

Dmitrij O. Osipov

Составные подошвы из раскопок в Великом Новгороде

Multipiece soles from excavations in Veliky Novgorod

Wieloczęściowe podeszwy z badań wykopaliskowych w Nowogrodzie Wielkim

Abstract: The article presents unusual in Russian cities shoes with multipiece soles found during excavations in Veliky Novgorod in a layer dated to the end of the 12th and 13th century. In the whole assemblage, five such soles have been distinguished.

Keywords: archaeology, Veliky Novgorod, shoemaking, economic relations

Abstrakt: W artykule przedstawiono nietypowe w miastach ruskich obuwie z wieloczęściowymi podeszwami, znalezionymi w Nowogrodzie Wielkim, w warstwie z końca XII–XIII wieku. W całym zbiorze wyróżniono pięć takich spodów złożonych z kilku fragmentów.

Słowa kluczowe: archeologia, Nowogród Wielki, rzemiosło obuwnicze, gospodarka

Введение

Кожаные изделия западноевропейского производства, вплоть до периода Московской Руси (в западной периодизации – раннего Нового времени), попадали на Русь в относительно небольшом количестве (Kurbatov 2011a, 194). Лишь Великий Новгород с его „распахнутыми настежь дверьми”¹, составляет исключение. Однако в отличие от других категорий археологических находок, найденная в Новгороде обувь иностранного производства не является импортом. Ее присутствие в культурном слое вызвано долговременным пребыванием в городе иностранных визитеров. Необходимости ввоза кожаных изделий не было, поскольку новгородская кожа находила сбыт не только в пределах Московского государства, но и активно вывозилась за границу, чему способствовало высокое качество сырья в сочетании с его относительной дешевизной (Klůčevskij 1918, 292–293; Man'kov 1951, 95).

---

¹ Имеется ввиду известное высказывание Бориса Киселева „Петр I в XVIII веке рубил окно в Европу в том самом месте, где во времена Великого Новгорода были двери настежь” (Kisielew, Litieraturnaja uczeba 1984, № 4. С. 11).

Местоположение подошв

В данной статье рассматривается необычная обувь с составными подошвами, зафиксированными на Троицком IX раскопе (рис. 1, 2). Подавляющее большинство кожаной обуви происходящей с этого раскопа представлено обычным для Новгорода набором: однотипными деталями туфель и сапог мягкой конструкции, а также фрагментами простых и ажурных поршней. Значительное количество обувных деталей составляют мягкие однослойные подошвы со следами износа. Форма обуви, орнаментальные мотивы и приемы раскроя соответствует новгородскому слою конца XII–XIII вв., что соответствует второму этапу развития кожевенно-сапожного ремесла (Osipov 2012, 156–178).

На фоне стандартизированной продукции новгородских сапожников ярко выделяются необычные для Новгорода обувные детали, обнаруженные в заполнении 3 и 4 пласта (ярус 13). В отличие от других подошв они состоят из нескольких кусочков, подкроенных друг к другу встык (рис. 5). Всего в коллекции насчитывается пять составных подошв, происходящих с территории усадьбы „К” Людина конца. На остальной территории средневекового Новгорода подобная обувь не обнаружена. Локальное скопление составных подошв зафиксировано в пределах 13 стратиграфического яруса. Четыре из пяти подошв залегают в заполнении сруба № 110 (кв. 878, 902, 916, 927). Еще одна прослежена в кв. 847 в заполнении частокольной канавки разделяющей усадьбы „П” и „М” (рис. 3). Предварительная датировка ярусов 13–14 определена в пределах второй половины XII–первого десятилетия XIII в. (Ânin *et al.* 1991a, 15). Согласно выводам исследователей занимающихся уточнением датировки и синхронизацией ярусов Троицкого раскопа, культурный слой в кв. 916, 927 связан со срубом № 110 яруса 13–14, датированного исследователями² в пределах 60–х гг. XII – началом XIII в. (рис. 3). Квадрат 847, где найдена еще одна составная подошва, датируется примерно так же.

Форма подошв

Все пять подошв составлены из нескольких частей, однако какая-либо закономерность в расположении или форме сшитых кусочков отсутствует. Так, у подошвы зафиксированной в кв. 927 носочная и пяточная части разделены по продольной оси (рис. 5:3). Носочная часть подошвы из кв. 916 разделена на две половины поперечными швами, а задняя часть сшита из четырех кусочков:

---

² Автор выражает благодарность П.Г. Гайдукову, Н.Н. Фараджевой и О.А. Тарабардиной за помощь в уточнении датировки культурных напластований, в которых залегают интересующие нас предметы.

две симметричные детали на перейме³ и две полукруглые половины на пятке, разделенные по продольной оси (рис. 4:1). Подошвы обнаруженные в кв. 878 и 902 состоят из четырех кусочков, сшитых продольным и поперечными швами (рис. 5:2,4).

Части подошв подкроены встык при помощи тачного шва. Тип кроя составных частей и характер швов указывает на то, что составная форма подошв образована не в процессе их ремонта, а при изготовлении обуви.

Функциональное назначение обуви с составными подошвами исследователи объясняют по-разному. В качестве основной причины европейские археологи называют экономию сырья, однако высказывались и другие версии. В частности, польский археолог Анна Ковальска предположила, что такие подошвы обладавшие повышенной гибкостью могли изготавливаться с лечебно-профилактическими целями (Kowalska 2016, 46). Для проверки этой версии мы обратились за консультацией к московским специалистам-ортопедам⁴, которым были показаны фотографии и рисунки найденных в Великом Новгороде составных подошв. По их мнению такая форма подошв не могла оказывать какого-либо лечебного воздействия на стопу, поэтому относить такие модели к специальной обуви необоснованно. Они же обратили внимание на отсутствие какой-либо системы в количестве и форме скроенных кусочков.

Ужесточение требований к экономии сырья в странах Европы связано с введением в уставы гильдий новых стандартов, строго регулирующих производственный процесс и качество продукции (Kowalska 2006, 197–209). Русские ремесленники, занимавшиеся изготовлением обуви и других изделий из кожи, также старались минимизировать потери при раскрое кожи. Об этом свидетельствует форма обрезков, включая „негативы” подошв, широко распространенная практика вторичного использования деталей, особенно сапожных голенищ, а также свидетельства письменных источников. В частности упоминание „мер сапожных” (специальных шаблонов): *аще на потребу возьмет кожу или усние, и не соблюдая режет и не прилагает меры сапожные, сухо да ясть (Istoričeskaâ hrestomatiâ 1861, 389).*

Однако обуви с многосоставными подошвами в русских средневековых городах никогда не существовало. У определенной части мягких туфель древнерусского времени подошвы набирались из нескольких тонких пластин, наложенных одна поверх другой. Такая обувь была более теплой, ремонтпригодной, а следовательно, износоустойчивой. Практика ее изготовления существовала на Руси вплоть до рубежа XIII–XIV вв., когда русские кожевники освоили выделку толстых кож взрослых особей крупного рогатого скота.

³ Перейма (геленок) – сужение подошвы в области свода стопы.

⁴ Автор благодарит за консультации сотрудников магазина ортопедических приспособлений „Здоровые ноги” <http://zdorovie-nogi.ru>

Это стало возможным после проникновения новых технических навыков обработки кожевенного сырья из стран Востока, которые исследователи связывают с включением Руси в состав улуса Джучи (Роварнин 1912, 228). С этого времени непосредственно перед дублением шкуры стали выдерживать в забродившем мучном растворе (киселе), что способствовало распушению коллагенов. В результате киселевания, дубильный раствор не образовывал корку на поверхности кожи, а равномерно проникал по всей толще кожевенного листа (Роварнин 1912, 147). Освоение нового способа обработки шкур, взрослых особей крупного рогатого скота (яловки, бычины), сделало возможным получение более толстых и прочных однослойных подошв в результате чего практика изготовления наборных подошв сошла на нет.

Аналогии

Среди отечественных моделей найденные нами подошвы отдаленно напоминают обувь имевшую продольный шов по оси подошвы, бытовавшей в древнерусских городах Твери, Старой Руссе, Великом Новгороде в XII–XIV вв. Отдельно выкроенных подошв такие туфли не имели, поскольку края верха у них подгибались вниз и сшивались тачным швом. А.В. Курбатов, впервые выделивший такую обувь в коллекциях Твери, называет ее домашней (Kurbatov 2004, 47–48), однако функциональное назначение таких туфель на сегодняшний день остается дискуссионным (Osipov 2001, 51–54).

Прямые аналогии обуви с составными подошвами найденными на усадьбе „М” Троицкого IX раскопа известны в городских коллекциях северо-западной Европы. В Колобжеге и Щецине. В середине XIII в. их доля достигает 10% (Kowalska 2013, 35–36; Wywrot-Wyszkowska 2008, 29–30).

Причины появления европейской обуви на городской усадьбе

Датировав составные подошвы и найдя им аналогии в коллекциях европейских городов следует понять: каким образом европейская обувь могла оказаться на новгородской усадьбе Людина конца в напластованиях конца XII – начала XIII вв? Как известно, в исследуемый период в Великом Новгороде процветает балтийская торговля, в которой все большее значение играет Любек (Rybina 1986, 36–40). Однако строго регламентированное положение европейских „гостей” ограничивало их проживание территорий Готского⁵ и Немецкого⁶ дворов, расположенных на Торговой стороне города,

---

⁵ Возникновение Готского двора исследователи соотносят со временем посадника Добрыни т.е. к рубежу XI–XII вв. (Rybina 1986, 19).

⁶ Датой основания Немецкого двора, известная составителям Новгородской третьей летописи

в непосредственной близости от княжеской резиденции (Rybina 1996, 19). В связи с этим закономерно, что основная часть европейской обуви происходит с Кировского (Суворовского) и Готского раскопов (Osipov 2012, 193–195).

Для объяснения факта появления инокультурной обуви на усадьбе „М”, целесообразно провести комплексные исследования, включающие анализ археологического контекста и письменных источников.

Берестяные грамоты

К последним принадлежит группа документов, именуемых „живой лексикой средневековья” к которой исследователи кожевенного ремесла неоднократно обращались. В частности о сырьевой базе кожевников дают представления грамоты №№ 133 и 622 (втор. пол. XIV – нач. XV в.), и №№ 153, 266/275, 384 (XII–XIV вв.) где упомянуты шкуры нерпы, лося и оленя (Arcihovskij 1963, 84–86; Ānin, Zaliznāk 1993, 150). Для понимания эволюции термина „сафьян” важны грамоты №№ 261–264 где перечисляются предметы из списка свадебных даров (единый документ стратиграфическая дата 70–90-е гг. XIV в.) найденные на усадьбе „Е” Неревского раскопа (Zaliznāk 1995, 510–511).

На интересующем нас участке Троицкого IX раскопа найдено несколько берестяных грамот, включая знаменитую № 734 (1140–1160) содержащую текст заговора против лихорадки с именем Сихаила (Zaliznāk 2004, Б-44, С. 348). Для нас, в данном случае, наибольший интерес представляют грамоты №№ 706 и 709 (стратиграфическая дата 1240–1260 гг), являющиеся дубликатом одного документа (рис. 4). Грамоты найденные в нескольких метрах друг от друга, по линии границы усадеб выходивших на Черницыну и Ярышеву улицы (рис. 2), содержат текст письма Милоста к Захарии с указанием не продавать хмель. По мнению А.А. Зализняка, имя Милость образовано с помощью суффикса -ост-ъ, очень редкого для восточно-славянской зоны, но широко представленного в древне-польских именах, например: Milost, Mirost, Jarost, Radost, Witost *et al.* (Taszycki 1925, 57).

Случайна ли связь берестяного письма содержащего упоминание Милоста имевшем польские корни с деталями европейской обуви распространенной, в том числе и в Померании? Для ответа на этот вопрос целесообразно провести комплексное исследование рассмотрев, помимо берестяных грамот, исторические сведения и археологический контекст.

Несмотря на наличие судебных грамот, сборников торговых уставов, церковных уставов, закреплявших правовое положение иностранцев на территории

из недошедших до нас документов, принято считать 1192 год (Rybina 1996, 19).

Новгородской и Псковской республик, многие области правовых отношений с ними остаются неизвестными (Nazarenko 2004, 14–15).

Закономерно, что в составе купеческих групп были люди различного достатка. Обувь собранная из обрезков, скорее всего, принадлежала тем, кто занимал нижние ступени в своей иерархии. Она плохо защищала ноги от сырости и уличной грязи. В Новгороде Великом, известным повышенной влажностью грунта, также как в большинстве средневековых городов Западной Европы, улицы не отличались чистотой.

В европейских городах стремление передвигаться по городским улицам сохраняя обувь максимально сухой и чистой приводит к распространению т.н. предохранительной (защитной) обуви. Ее появление восходит к традициям древнего Рима. Деревянные колодки с ременными петлями для удержания на ноге археологи находят в римских военных лагерях: Селбурге, Зугмантеле и Малом Фельдберге и других (Busch 1965, Taf. 30). В документах позднесредневековой Англии отмечены различные формы предохранительной обуви – *pattens* (патины), *galoshes* (галоши) и *clogs* (башмаки на деревянной подошве). Последние крепились на ноге одним или парой ремней поверх стопы.

На картинах европейских художников такая обувь появляется со второй половине XIV в., хотя широкого распространения она достигает лишь ко второй половине XV в. (Swann 2001, 78–79).

Защитная обувь активно использовалась и в Польше. В частности в Гданьске в Старом городе и Центральном Замке на острове Гранари были найдены почти 12 сотен фрагментов защитной обуви включающие деревянные и кожаные *патины* (Kurbatov 2013, 246–254). Для практичности, большинство деревянных колодок опиралось снизу на две ходули (*stilts*) или „каблучки”.

В Великом Новгороде подобная обувь не известна, хотя нельзя исключать, что она ещё не выделена в археологическом материале. На сегодняшний день единственный экземпляр деревянной подошвы (платформы) найден при раскопках на Космодемьянской набережной в Москве в слое XVIII в. (Osipov 2006, 71, рис. 285).

Археологические находки

К пониманию причины появления составных подошв приближает анализ археологического контекста. Согласно материалам отчета, в темно-коричневом слое с большим содержанием органики и щепы, зафиксировано большое количество обрезков от раскроя обувных деталей (Ânin *et al.* 1990a, 13; 1991a, 34). В кв. 928, в пласте 4, у южной стенки сруба 110 скопление обрезков превышает 5000 единиц (Ânin *et al.* 1990b, 43). На этом же участке

зафиксированы, шилья, оселки, ножи и сапожная колодка (Ânin *et al.* 1990b, 30). Четыре из пяти рассматриваемых нами составных подошв также зафиксированы в заполнении сруба № 110.

Скопление ремесленных отходов в сочетании с сапожными инструментами указывает на то, что во второй половине XII – начале XIII в. на усадьбе „К” выходявшей на Черницыну улицу, работала сапожная мастерская. В этот же период аналогичные мастерские существовали и на других, расположенных рядом усадьбах Людина конца: Е, Ж, З, Г, также выходявших на Черницыну улицу. Массовые скопления их отходов были зафиксированы на Троицких VII и VIII раскопах (Osipov 2012, 147–148). Обилие мастерских, изготавливающих и ремонтирующих кожаную обувь вызвано ее быстрым износом. В этой связи стоит привести наблюдения известного французского историка Робера Фоссье отмечавшего, что парижские сапожники – одни из самых многочисленных городских ремесленников, первыми получают статуты. Такое внимание городских властей к представителям этой профессии было вызвано постоянной нуждой в кожаной обуви, которая полностью снашивалась, в среднем, в течение трех месяцев (Foss'e 2010, 76). По статистике приведенной советскими обувщиками–технологами в 60-е гг. XX в, износ кожаной обуви и, прежде всего, подошв составлял 200–270 дней (Zybin 1963, 119). Очевидно, что более мягкая и тонкая средневековая обувь изнашивалась еще быстрее.

Судя по описанию обрезков, и обилию вторично использованных деталей, работавшие на усадьбах „К” ремесленники, занимались не только пошивом новой обуви, но и ремонтом старой, ставя дотачки и заплаты, на изношенные участки. Практика сочетания пошива и ремонта обуви была широко распространена как в Великом Новгороде, так и в других древнерусских городах (Osipov 2012, 146; Rabinovič 1964, 102). Анализ археологического контекста позволил установить, что сапожные мастерские существовали на этих усадьбах в XII – начале XIII в. закончили свое существование после пожара 1207 г. связанного с восстанием против посадника Дмитра Мирошкинича в ходе которого усадьбы, входившие в усадебный комплекс Мирошкиничей, были разграблены и сожжены, а имущество владельцев поделено между восставшими (Velikij Novgorod 2009, 128).

Выводы

Исходя из вышесказанного, наиболее вероятным объяснением наличия подошв инокультурной обуви на усадьбе „К” Людина конца является обращение иностранного визитера к новгородскому сапожнику с целью ремонта обуви путем замены старых подошв на более практичные – цельнокроеные, лучше приспособленные для уличной грязи. Об этом свидетельствуют следы износа

кожи на одних подошвах (рис. 5:2) и расхождение швов на других (рис. 5:4). Нити, скреплявшие эти куски, могли быстро сгнить под воздействием влажного новгородского слоя.

Нельзя исключать, что иностранец не случайно выбрал мастерскую расположенную именно на этой усадьбе. Помня о находке грамот №№ 706 и 709 можно предположить, что проживавший здесь человек мог иметь какие-то связи с Европой или просто понимать иностранный язык.

Дальнейшее развитие вещеведения, следствием которого является атрибуция или верификация уже имеющихся находок, позволяет нам лучше представить уровень развития ремесла, а также многообразие бытовых и торговых отношений.

1. Слово (1932, 1934, 1936–1937); 2. На Борковой ул. (на Холопьев ул.) (1932); 3. Ярославово дворце (1937–1940, 2007–2013); 4. Кемль, у церкви Андрея Стратилата (1938–1940); 5. Ярославово дворце (1946–1947); 6. Чудинцевский (1947); 7. Ярославово дворце (1947–1948); 8. На Дмитриевской ул. (1948); 9. Неревский (1951–1962); 10. Ильинский (1962–1967); 11. Буяный (Лубяницкий) (1967); 12. Славенский (1968); 13. Готский (1968–1970); 14. Тихвинский (1969); 15. Михайловский (Суворовский) (1970); 16. Торговый (1971); 17. Рогатичий (1971); 18. Славенский (на ул. Кирова) (1971–1974); 19. Людогосичий (1972); 20. Троицкий (с 1973 по н.в.); 21. Козмодьянский (1974); 22. Дмитриевский (1976); 23. Дубошин (1977–1978); 24. Нутный (1979–1982); 25. Кремль, Владычный двор (1985); 26. Рогатичий (на ул. Большевиков) (1988); 27. Метинский (1989); 28. Кремль, у церкви Покрова (1990); 29. Михайорхангельский (1990–1991); 30. Федоровский (1991–1993, 1997); 31. Ипатьевский (1992); 32. Лукский (1993); 33. Конохов (1994); 34. Андреевский (1995, 1997, 1999); 35. Кремль, у Софийской Звонницы (1995); 36. Кремль, Владычный двор (1995–1996); 37. Добрынин (1999); 38. Посольский (1999); 39. Никитинский (2002–2004); 40. Козмодьянский II (2005); 41. Посольский (2006); 42. Алексеевский (2007); 43. Никольский (2007); 44. Посольский (2008); 45. Борисоглебский (2008); 46. Кремлёвский (2008); 47–48. Десятинный I–II (2008); 49. Ильменский (2009); 50. Ганзейский знак (2009); 51. Великий мост (с 2006); 52. Нутный IV (2011, 2015–2016); 53. Шитный I–III (2011); 54. Манильн (2011); 55. Молотковский (2011); 56. Владынский I–II (2011); 57. Добрынин (2011); 58. Загорский (2011); 59. На ул. Давыдьяла (2011); 60. Владынский III (2012); 61. Лукский II (2012); 62. Никольский (2012); 63. Алексеевский I–III (2012); 64. Воскресенский (2012); 65. Молотковский (2012); 66. Молотковский (2013); 67. Алексеевский III–IV (2013); 68. Исследования Кремлёвского вала (2013); 69. Пер. Красный, 13 (2014); 70. Рогатичий II (2014); 71. Воздвиженский (2014); 72. Алексеевский V (2014); 73. Петропавловский (2014); 74. Ул. Черемнова-Конхова, 24 (2015); 75. Пер. Красный, 20–22 (2015); 76. Ул. Черемнова-Ньхова, 19 (2015); 77. Андреевский III (2015); 78. Козмодьянский III (2015–2016); 79. Андреевский IV (2016)

Рис. 1. Великий Новгород. Археологические раскопки. Подгот. Д.О. Осипов
 Fig. 1. Veliky Novgorod. Archeological excavations. Prepared by D.O. Osipov
 Ryc. 1. Nowogród Wielki. Wykopy archeologiczne. Oprac. D.O. Osipov

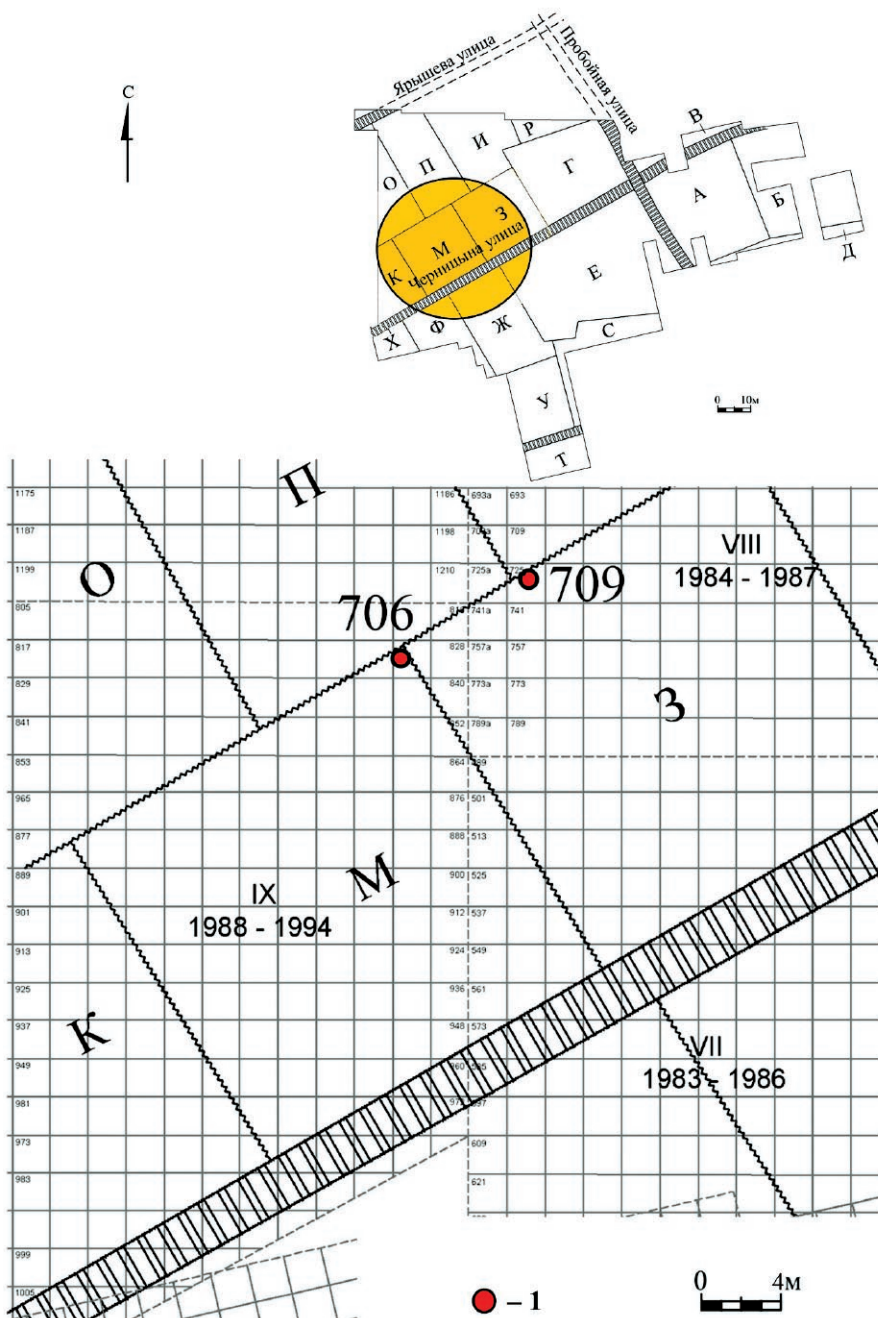

Рис. 2. Великий Новгород. Троицкий раскоп, Границы усадеб: 1 – грамоты. Подгот. Д.О. Осипов
 Fig. 2. Veliky Novgorod. Troitsky trench, plot lines: 1 – gramoty. Prepared by D.O. Osipov
 Rys. 2. Nowogród Wielki. Wykop Troicki, granice działek: 1– gramoty. Oprac. D.O. Osipov

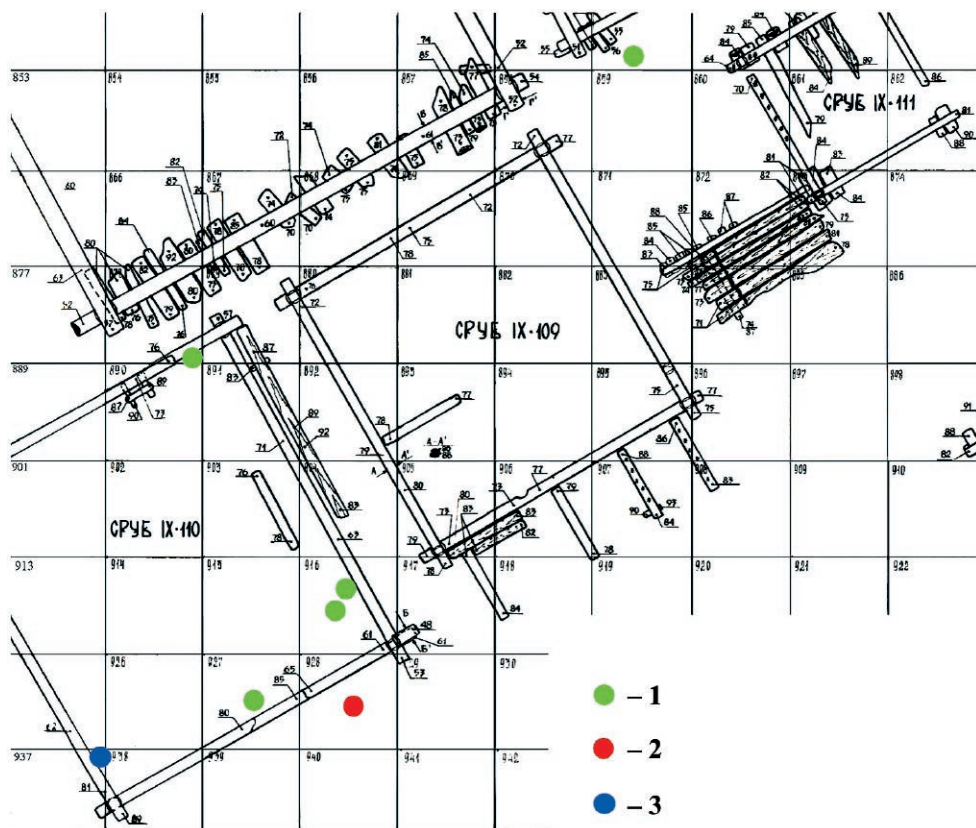

Рис. 3. Великий Новгород. Троицкий раскоп IX, ярус 13: 1 – составные подошвы; 2 – скопление обрезков от раскроя; 3 – колодка сапожна. Подгот. Д.О. Осипов

Fig. 3. Veliky Novgorod. Troitsky trench IX, Layer 13: 1 – multipiece soles; 2 – group of snips; 3 – last. Prepared by D.O. Osipov

Ryc. 3. Wykop Troicki IX, warstwa 13: 1 – podeszwy wieloczęściowe; 2 – skupisko ścinków; 3 – kopyto szewskie. Oprac. D.O. Osipow

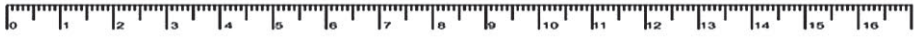

Рис. 4. Грамота 709. Троицкий раскоп IX. Датирование: 1240–1260. Фото и прорис Д.О. Осипов
 Fig. 4. Charter 709. Troitsky trench IX. Dating: 1240–1260. Photo and drawing by D.O. Osipov
 Rys. 4. Gramota 709. Wykop Troicki IX. Datowanie: 1240–1260. Foto i rys. D.O. Osipov

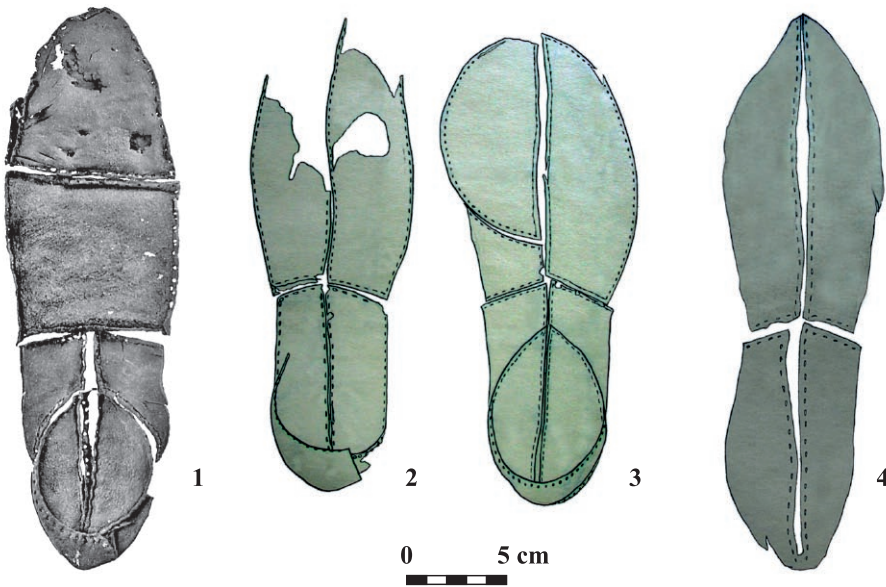

Рис. 5. Троицкий раскоп IX. Составные подошвы: 1 – квадрат 916; 2 – квадрат 878; 3 – квадрат 927; 4 – квадрат 902. Фото и рис. Д.О. Осипов
 Fig. 5. Troitsky trench IX. Multipiece soles: 1 – square 916; 2 – square 878; 3 – square 927; 4 – square 902. Photo and drawing by D.O. Osipov
 Rys. 5. Wykop Troicki IX. Podeszwy wieloczęściowe: 1 – kwadrat 916; 2 – kwadrat 878; 3 – kwadrat 927; 4 – kwadrat 902. Foto i rys. D.O. Osipov

Литература

- Arcihovskij A.V. 1963. *Novgorodskie gramoty na bereste iz raskopok 1958–1961 gg.* Moskva.
- Busch A.L. 1965. Die r merzeitlichen Schuh- und Lederfundeder Kastele Saalburg, Zugmante lund Kleiner Feldberg. *Saalburg – Jahrbuch* 22, 139–157.
- Foss'e R. 2010. *L di srednevekov' .* Sankt-Petersburg.
- Istori eska  hrestomati *
Istori eska  hrestomati  cerkovno-slav nskogo i drevne-russkogo  zykov. Moskva 1861.
-  nin V.L., Zalizn k A.A. 1993. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984–1989 gg.)*. Moskva.
-  nin V.L., Rybina E.A., Horo ev A.S., Gajdukov P.G., Sorokin A.N. *Ot et o rabote Novgorodskoj arheologičeskoj  kspedicii za 1990 g.* Arhiv IA RAN R – I № 15199.
-  nin V.L., Rybina E.A., Horo ev A.S., Gajdukov P.G., Sorokin A.N. *Ot et o rabote Novgorodskoj arheologičeskoj  kspedicii za 1990 g.* Arhiv IA RAN R – I № 15200-15202.
-  nin V.L., Rybina E.A., Horo ev A.S., Gajdukov P.G., Sorokin A.N. *Ot et o rabote Novgorodskoj arheologičeskoj  kspedicii za 1990 g.* Arhiv IA RAN R – I № 16459.
-  nin V.L., Rybina E.A., Horo ev A.S., Gajdukov P.G., Sorokin A.N. *Ot et o rabote Novgorodskoj arheologičeskoj  kspedicii za 1990 g.* Arhiv IA RAN R – I № 16460, 16461.
- Kl čevskij V.O. 1918. *Skazani  inostrancev o Moskovskom gosudarstve.* Petrograd.
- Kowalska A.B. 2006. Uwagi na temat wytw rczo ci szewskiej w Wolinie i Szczecinie w VIII–X wieku. W: M. Dworaczyk, A.B. Kowalska, S. Mo dzioch, M. R bkowski (red.), * wiat Słowian wczesnego  redniowiecza.* Szczecin–Wroc aw, 197–209.
- Kowalska A.B. 2013. *Wytw rczo c sk rzana w p zno redniowiecznej Dzielnicy Chy yńskiej w Szczecinie.* Szczecin.
- Kowalska A.B. 2016. Srednevekovoe proizvodstvo obuvi v regione Baltijskogo mor  v IX–XV vv. *Vestnik tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istori * 5, 44–50. DOI:10.17223/19988613/43/9
- Kurbatov A.V. 2004. *Ko evennoe proizvodstvo Tveri XIII–XV vv. (po materialam arheologičeskikh issledovanij 1993–1997 gg.)*. Sankt Petersburg.
- Kurbatov A.V. 2011. Predohranitel'na  obuv' v srednevekov'e i novoe vrem : evropejskie tradicii i russka  dejstvitel'nos. *B lleten' IIMK RAN* 2, 241–250.
- Kurbatov A.W. 2011a. Inorodnye ko zanye predmety v srednevekovoj Rusi: dvizhenie l dej i ve ej. *Stratumplus* 5, 183–200.
- Kurbatov A.W. 2011b. Inorodnye ko zanye izdeli  v russkikh i zapadnyh gorodah. *Arheologi  i istori  Pskova i Pskovskoj zemli. Materialy 56 zasedani ,* 183–195.
- Kurbatov A.W. 2013. Izu enie drevnego ko evennogo remesla segodn : opyt konsolidacii specialistov. *Arheologičeskie vesti* 19, 246–254.
- Man'kov. A.G. 1951. *Ceny i ih dvizhenie v Russkom gosudarstve XVI v.* Moskva–Leningrad.
- Nazarenko N.I. 2004. Pravovoe polo enie inostrancev v ote estvennom zakonodatel'stve XI – pervoj poloviny XVII vv. Avtoreferat dissertacii na soiskanie u enoj stepeni kandidata  ridičeskikh nauk. Rabota vypolnena v Moskovskom gumanitarno- konomičeskom institute. Moskva.

- Povarnin G.G. 1912. *Očerki melkogo koževennogo proizvodstva v Rossii*. Petersburg
- Osipov D.O. 2006. *Obuv' moskovskoj zemli XII – XVIII vv. (po materialam ohrannyh arheologičeskikh raskopok)*. Tula.
- Osipov D.O. 2001. K voprosu o tak nazывaemyh «komnatnyh tuflâh» (po materialam Troickogo raskopa Velikogo Novgoroda). *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* 63, 51–54.
- Osipov D.O. 2012. Koževenno-sapožnoe remeslo Velikogo Novgoroda X–XVII vv. (kompleksnoe issledovanie). Diss. doktora ist. nauk. Moskva.
- Rabinovič M.G. 1964. *O drevnej Moskve. Očerki material'noj kul'tury i byta gorožan v XI–XVI vv.* Moskva.
- Rybina E.A. 1986. *Inozemnye dvory v Novgorode XII–XVII vv.* Moskva.
- Swann J. 2001. *History of Footwear in Norway, Sweden and Finland*. Stockholm.
- Taszycki W. 1925. *Najdawniejsze Polskie imiona osobowe*. Kraków.
- Velikij Novgorod. 2009. *Ènciklopedičeskij slovar'*. Sankt-Persburg.
- Wywrot-Wyszkowska B. 2008. *Skórnictwo w lokacyjnym Kotobrzegu. XIII–XV wiek*. Szczecin.
- Zaliznâk A.A. 1995. Drevnenovgorodskij dialekt. V: *Škola „Âzyki russkoj kul'tury"*. Moskva.
- Zaliznâk A.A. 2004. *Drevnerusskij dialekt*. 2-e izdanie, pererabotannoe s učetom materiala. *Âzyki slavânskoj kul'tury*. Moskva.
- Zybin J.P. 1963. *Konstruirovanie izdelij iz koži*. Moskva.

Multipiece soles from excavations in Veliky Novgorod

Summary

Unlike other categories of archaeological finds, foreign footwear found in Veliky Novgorod was not imported. Its presence in a cultural layer was caused by foreign visitors who had lived in the city for a long time. There was no need to import leather products because the leather from Veliky Novgorod was valued for its high quality and relative cheapness not only in the Grand Duchy of Moscow but also outside its borders.

The footwear with multipiece soles found at a farm, marked with “K”, has parallels in the collection of urban footwear from Kołobrzeg and Szczecin where in the middle of the 13th century it constituted about 10% of all soles. In Veliky Novgorod during this period trade with the Baltic region was rapidly developing so foreign merchants were permanent city residents living in the city’s market area, in the immediate vicinity of the prince’s residence.

More than 5.000 leather scraps from different parts of the shoe have been discovered within investigated “K” plot. Other finds included awls, whetstones, shoemaker’s knives (arbelos) and shoemaker’s wooden last what indicate the presence of a craftsmanship workshop. Judging from the abundance of scraps with traces of sewing, shoemakers who worked in the area of plot “K” not only made new shoes but also repaired damaged ones.

Taking into consideration the above-mentioned assumption, the most likely explanation for the presence of foreign in Veliky Novgorod multipiece soles found in plot “K” is the repair of the foreign merchant’s damaged footwear by a local craftsman.

Wieloczęściowe podeszwy z badań wykopaliskowych w Nowogrodzie Wielkim

Streszczenie

W przeciwieństwie do innych kategorii znalezisk archeologicznych obuwie nowogrodzkie obce rodzimej wytwórczości w końcu XII–XIII wieku nie było importowane. Jego obecność w warstwie kulturowej wynika z wieloletniej obecności w mieście obcych etnicznie osadników. Nie było potrzeby importowania wyrobów ze skóry, ponieważ nowogrodzka skóra, ceniona ze względu na wysoką jakość oraz względną tanią, znajdowała zbyt nie tylko w państwie moskiewskim, ale też poza granicami Rusi.

Obuwie z wieloczęściowymi podeszwami znalezione w gospodarstwie oznaczonym jako „K” ma analogie w zbiorach obuwia miejskiego z Kołobrzegu i Szczecina, gdzie w połowie XIII wieku osiągało udział około 10 proc. wszystkich podeszew. W tym okresie w Nowogrodzie Wielkim intensywnie rozwijał się handel z rejonem nadbałtyckim, dlatego w mieście przebywali na stałe zagraniczni kupcy, rezydujący w części targowej miasta, w bezpośrednim sąsiedztwie siedziby książęcej.

W obrębie badanej działki „K” odkryto ponad 5 tys. ścinków skórzanych pochodzących z rozkroju różnych elementów obuwia. Ponadto znaleziono tutaj szydła, osełki, noże szewskie i drewniane kopyto, co wskazuje na obecność pracowni rzemieślniczej. Ze względu na obfitość odpadów z zachowanymi śladami po szyciu można sądzić, że szewcy pracujący w obrębie działki „K” zajmowali się nie tylko wyrobem nowego, ale też naprawami zniszczonego obuwia.

Najbardziej prawdopodobnym wyjaśnieniem obecności na działce „K” nietypowych na ziemiach ruskich podeszew wieloczęściowych jest zatem naprawa zniszczonego obuwia obcego kupca przez miejscowego rzemieślnika.

Дмитрий Олегович Осипов
Государственный исторический музей (ГИМ)
dmitriyosipov@mail.ru